

Глушковски М. 2010. *Вариативность языка польских старообрядцев как признак языкового сдвига*, w: И.П. Кюльмоя (red.) *Humaniora: Lingua Russica. XIII. Развитие и вариативность языка в современном мире*, Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, ISBN 978-9949-19-910-5, ISSN 1406-2623, s. 56-71

Вариативность языка польских старообрядцев как признак языкового сдвига

Михал Глушковски,
Институт славянской филологии
Университета Николая Коперника в Торунь,
gluszkowski@mail.ru

На эволюцию языка и языковой ситуации польских староверов влияли изменения социо-политической ситуации этой общины. Мигрировавшие на территорию Речипосполитой с конца II половины XVII века старообрядцы составляли религиозное, этническое, культурное и языковое меньшинство. Они находились на территории другого этноса, но не сразу стали двуязычными. На основании доступных информации можно положить, что до начала XX века многие старообрядцы, особенно женщины, были одноязычными [ср. Гжибовский, Глушковский 2008: 205]. Из-за ограниченных контактов с внешним миром они не нуждались в знании польского языка, так как находились в пределах Российской Империи и не теряли связи со старообрядческими общинами на территории Беларуси и стран Балтии.

К интенсивному развитию двуязычия польских староверов привела геополитическая и социальная ситуация после 1945 г. Во-первых, они потеряли связь со своими единоверцами этого региона, которые были находились на территории СССР. Во-вторых, в это время усилилась нужда в знании польского языка – старообрядцы учились в польских школах, возросла роль СМИ, многие члены общины стали работать или подрабатывать в городе. Кроме того, после Второй мировой войны значительно сократилась численность старообрядцев в Польше, вследствие чего вопрос гетерогенических браков стал более актуальным. Учеба в польских школах, работа на польских предприятиях и в учреждениях, были связаны с неформальными, дружескими контактами с польским населением. Всё это привело к тому, что не только самые молодые члены староверской общины, но и их родители овладели польским языком на хорошем уровне. Их компетенция в области польского языка не отличается от компетенции их польских соседей.

К. Полянский определяет варианты, как языковые элементы, идентичные с функциональной точки зрения, но формально – разные [Polański 2003: 630]. В структурализме варианты считаются осуществлением одной и той же единицы – инварианта. В качестве примеров таких вариантов Полянский называет аллофоны и алломорфы [Там же 2003: 262]. На этом основании можно определить явление

вариативности в более широком плане и отнести также к лексическому и синтаксическому уровням. Кроме фонетических и морфологических вариантов могут существовать дублированные лексемы (напр. диалектный и стандартный вариант названия какого-либо предмета или два варианта глагольного управления в какой-то конструкции). В стандартизованных языках появление данного варианта, особенно аллофонов и алломорфов, строго обусловлено их позицией, или морфонологическими правилами. Такая позиционная вариативность в значимой мере регулярна. Данная статья посвящена прежде всего описанию случаев нерегулярной вариативности, которая свойственна нестандартизованным языкам.

Старообрядцы пользуются или общим, стандартным польским языком, или его региональным, северо-восточным вариантом так, как и жители соседних деревень. В таком соотношении языка и диалекта выступают и регулярные, и нерегулярные варианты, но по нашим наблюдениям нет особых различий в языковом поведении старообрядцев и их польских соседей.

С точки зрения вариативности языка, ситуация говора польских старообрядцев намного интереснее. Распространение знания польского языка привело к его употреблению также внутри общины. Одновременно русский говор стал подвергаться всё сильнейшему влиянию общего, государственного языка. Это влияние является одним из трех главных факторов, способствующих развитию вариативности диалекта польских староверов. Второй фактор связан с восточнославянскими и польскими диалектами, которых влиянию говор польских староверов подвергался во время миграции (прежде всего на белорусских землях). Третий, а хронологически – первый фактор, это природная вариативность диалектов – на такие тенденции обращала внимание Л. Баранникова. Она полагала, что варьирование говоров связано прежде всего с отсутствием письменной формы, которая могла бы закрепить «стандарт» или норму данного диалекта [Баранникова 1969: 331-333]. Вариативность может выступать в области лексики, если существует больше, чем одно название одного предмета, но и на других уровнях языковой системы. Например, Баранникова отметила три варианта произношения одной аффрикаты в говорах Поволжья [č'], [c'] и [c''] [там же: 333].

Баранникова утверждает, что диалектные системы отличаются от общенародных открытостью и проницаемостью на всех уровнях. Таким способом, диалект не только подвергается собственному варьированию, но также легко заимствует элементы из стандартного языка (общенародного, или чужого – в ситуации языкового контакта). Появление новых элементов и способы их адаптации являются важным источником

вариативности.

О том, что диалекты варьируют намного чаще и сильнее, чем общенародный язык, свидетельствуют результаты многих исследований. Среди них следует обратить внимание на теорию, созданную польскими социолингвистами, З. Бокшанским, А. Петровским и М. Зюлковским, на основании положений М. Халлидая и Б. Головина. Они утверждают, что вариативность языка и степень его стандартизации можно изобразить с помощью пирамиды. На её верху находится стандартный, литературный язык, а чем ниже, тем больше территориальных вариантов, которые иногда сильно отличаются друг от друга.

Диаграмма 1. Зависимость вариативности от территориального членения языка.
Модель за: (Bokszanski, Piotrowski, Ziolkowski 1977) на основании теорий М. Халлидая.

Вышеупомянутый теоретический подход дополняется другой теорией – классификацией языков с учетом критерия стандартизации. Х. М. Тортоса полагал, что существуют разные уровни языковой нормы. Наименее стандартизованными являются языки, у которых существует только устный вариант. На очередных, более высоких уровнях находятся языки с письменным фольклорным, затем литературным и научным вариантами, а на высшей ступени этой иерархии – языки, которые используются для составления резюме и аннотаций научных текстов на других языках [Tortosa 1986: 9]. Итак, польский язык, обладающий всеми типами письменных вариантов, но неиспользуемый за рубежом для перевода и аннотаций научных текстов, находится на предпоследнем уровне стандартизации. Говор же польских старообрядцев находится на самой низкой ступени, или, по нашим последним наблюдениям, где-то на промежуточном уровне между двумя низшими, так как удалось найти некоторые диалектные фольклорные тексты в письменном виде – тексты песен ансамбля «Рябина» из старообрядческой д. Габове-Гронды около Августова. Однако это только один пример и притом нет уверенности в том, что эти тексты были созданы самими

старообрядцами¹. Есть также тексты на русском языке, напр. воспоминания и стихотворения, которых старообрядческое происхождение не вызывает сомнения, но они были написаны на общерусском языке, не на говоре, поэтому их существование не влияет на укрепление диалектных форм и норм.

По мнению Елены Нефёдовой вариативность это чаще всего индивидуальное явление [Нефёдова 2002: 254-255]. Так как язык группы это не простая сумма идиолектов её членов, но явление другого уровня, многие индивидуальные варианты исчезают в групповом общении. Однако, если община не зафиксировала норм своего языка, этот процесс может быть медленным, а некоторые варианты могут распространиться в данной группе. Такова ситуация многих диалектов.

Первым главным фактором, способствующим варьированию диалекта исследуемой нами группы, является природная вариативность диалектной речи. В говоре польских староверов сохранилось много исконных русских диалектных черт из региона Великих Лук, Пскова и Новгорода. Например, безударный гласный *и* переходит в *υ* (*f*) в префиксах и предлогах, а также в частицы *už'e* (*vže*): *ftap' ĭć*, *vdar' ĭt'*, *υ ħev' b*, *υm' ejet*. На это явление обратила внимание И. Грек-Пабис, подчеркивая, что *и* переходит в *υ* (*f*) нерегулярно [Grek-Pabisowa 1968: 51-52]. Наряду с упомянутыми формами выступают слова, в которых гласный *и* сохранился независимо от своей позиции, напр. *um' eju*, *už'e pĭan' y j'eśca*. Вариативность перехода *и* в *υ* (*f*) выступает на групповом уровне, в отдельных идиолектах наблюдается или один из вариантов, или значимое преобладание одной из форм.

В исследуемом диалекте выступают йотированные указательные местоимения, напр. *j'eta*, *j'etat*, но одновременно наблюдаются и нейотированные варианты: *'etamu*, *'eta*. [ср. Głuszkowski 2010: 161]. Варьирование форм местоимений выступает как на групповом, так и на индивидуальном уровне.

По наблюдениям Грек-Пабис, сочетания *-šć-*, *-sć-* и *-zć-* в 50-60-ые годы XX века произносились как два звука. Выступали два варианта: *š + ć* и *š' + ć'* [Grek-Pabisowa 1968: 61]. Сейчас мягкий вариант практически исчез и основной нормой является *š + ć*, напр. *pł' bšćaž*, *kaščun' y*.

¹ Большинство исполняемых «Рябиной» сочинений это традиционные русские песни, популярные в разных регионах. Только некоторые песни были сочинены уже на польской территории, но как в случае общерусских, так и новых текстов, трудно определить, кто первым записал эти слова. Кроме самих старообрядцев во многих случаях это были сотрудники дома культуры и художественные руководители ансамбля.

В говоре старообрядцев выступают два варианта согласного *ч*: *č'*, напр. *oč'eń*, *t'eč'eńje* и *ć*, напр. *šejč'as*, *čev'ó*, *č'ystyj*. Непалатальный вариант более частотный. Колебания выступают не только на групповом уровне, но и на индивидуальном. Варианты можно встретить даже в рамках одного слова у одного информанта, напр. *č'etav'ek*, *četav'ek'e* [Głuszkowski 2010: 161].

Причиной многих колебаний бывает влияние общерусского языка. Некоторые из вышеупомянутых вариантов свойственны нормам русского литературного языка. Нейотированные варианты указательных местоимений, или палатальный согласный *č'*, могут появляться в речи наших информантов под влиянием общерусского языка. Многие старообрядцы, особенно в среднем и старшем поколении слушают русскоязычные радио- и телепередачи, а некоторые читают газеты и книги на русском языке. Кроме того, старообрядцы, ходившие в школу во время Польской Народной Республики (1945-89)², обязательно учились русскому языку.

Следующий пример вариативности старообрядческого говора связан с консонантной системой диалекта. Еще в первых декадах второй половины XX века рядом с непалатальными переднеязычно-зубными согласными *t*, *d*, *s*, *z* выступали палатализованные *t'*, *d'*, *s'*, *z'*, а также их палатальные варианты *ć*, *ź*, *ś*, *ź*, возникшие под влиянием польского языка. Палатальные переднеязычно-зубные согласные наблюдались прежде всего в младшем поколении староверов [Grek-Pabisowa 1968: 57-58]. В начале XXI века по-прежнему можно отметить в речи исследуемой группы два типа мягкостной оппозиции: исконно диалектный и «польский», но частотность палатальных вариантов значительно увеличилась по сравнению с половиной прошлого столетия. Сейчас *t'*, *d'*, *s'*, *z'* наблюдаются лишь в немногих идиолектах представителей старшего поколения, но даже в их речи рядом с палатализованными согласными выступают палатальные. Изменились не только количественные отношения обоих вариантов, но также их зависимость от позиции в слове. В 50-е и 70-е годы XX века палатальные *ć* и *ź* произносились прежде всего после мягкого *ś* (мягкостная корреляция) [ср. там же]. Согласно последним записям говора польских старообрядцев, даже в старшем поколении, в речи информантов владеющих русским диалектом на высоком уровне, палатальные согласные выступают также в интервокальной позиции, в конце и начале слова, напр. *być*, *ć'eta*, *m'ajeće*, *ś'eju*, *źim'ój*, *źeml'a* [ср. Głuszkowski 2010: 161-

² В некоторых основных школах и во многих средних школах русский язык преподавался также позже.

162]. Эволюция языка исследуемой нами группы привела только к изменению характера фонетической вариативности, но сам факт отсутствия орфофонической нормы не изменился. Следует отметить, этот тип языкового варьирования выступает и на групповом, и на индивидуальном уровнях.

В случае изменяющейся палатализации переднеязычно-зубных согласных главной причиной возникновения вариантов было влияние польской фонетики. Однако, если в говоре польских староверов были бы прочные нормы, изменения не были бы так значимыми.

Другой из главных факторов, способствующих варьированию исследуемого нами говора – ситуация языкового контакта. Язык польских старообрядцев находится в ситуации островного говора. Как полагает А. Дуличенко, «Оторванные от исходного этноязыкового корня, (...) острова постоянно ощущают языковой дефицит, особенно что касается его использования в области культуры, образования, науки. С одной стороны, их представители должны овладеть языком окружающего этноса (что в действительности и наблюдается), с другой – для них важно сохранить язык своих предков» [Дуличенко 1998: 26]. Овладевшие польским языком старообрядцы в ситуациях языкового дефицита или переходят на язык окружения, т.е. переключают код, или прибегают к чужой лексике – заимствуют и калькируют отдельные лексемы, а также копируют фразеологические конструкции. Причиной заимствований является чаще всего отсутствие собственной лексики в конкретной коммуникативной ситуации, например во время разговора о современных средствах транспорта старообрядцы используют польские названия. Таким образом процесс заимствования в своем начале является индивидуальным. Случаи, в которых одна и та же польская лексема заимствуется разными членами группы и адаптируется в разных вариантах – относительно частые. Согласно положениям У. Вайнрайха, в процессе группового общения многие проявления интерференции нейтрализуются [Weinreich 1963: 83]. Некоторые из заимствованных закрепляются в языке, в то время как другие исчезают. Однако пока унификация форм не совершится, в языке билингвальной группы параллельно функционируют несколько вариантов данного заимствования.

Одним из типов ассимиляции иноязычной лексики связан с фонетической адаптацией. В говоре староверов сувальско-августовского региона в заимствованном слове польские фонемы заменяются русскими (диалектными), что часто связано также с изменением места ударения. Д. Пасько называет ряд примеров акцентуационных вариантов заимствований из польского языка в говоре польских староверов [Paśko

2010: 186-187]:

rav'er / rav'er || *r'bver / r'bv'er* 'велосипед'

fat'el || *f'otel* 'кресло'

p'ap'eš || *pap'eš* 'римский папа'

atr'uć || *btuć* 'отравить'

paspr'avz'ać || *paspravz'ać* 'проверить'

Наблюдения языка польских староверов показывают, что одновременно могут существовать несколько варианты одной лексемы, чаще всего 2 или 3.

польская вставка – неассимилированное заимствование	ассимилированное заимствование (транскрипция)	диалектный или общерусский вариант (транскрипция)	общерусский вариант
<i>grać w piłkę</i>	igr'at' v p'iłku	igr'at' v m'ač'	<i>играть в мяч</i>
<i>po rosyjsku</i>	pa_r'usku	pa_r'ussk'i	<i>по-русски</i>
<i>zapukać</i>	zapuk'ać	pastuč'at'	<i>постучать</i>
<i>wakacje</i>	vak'acji	kańik'uły	<i>каникулы</i>
<i>ognisko</i>	agn'iska	kast'or	<i>костёр</i>
<i>godzina</i>	gaż'ina	čas	<i>час</i>
<i>trójka</i>	tr'ujka ³	tr'ojka	<i>тройка</i>
<i>Czerwony Kapturek</i>	Červ'onyj Kapt'uryk	Kr'asnaja Š'apočka	<i>Красная Шапочка</i>
<i>za darmo</i>	za d'arma	-	<i>даром, бесплатно</i>
<i>żeby</i>	-	št'oby	<i>чтобы</i>
<i>wojskowy</i>	vajsk'ovyj	-	<i>военный</i>
<i>nabożeństwo</i>	-	s'lužba	<i>служба</i>
<i>tak zwany</i>	tak zv'anuj	-	<i>так называемый</i>
<i>ubranie</i>	-	ad'ožda, ad'oža, ad'ej'ańje	<i>одежда</i>
<i>rodzina</i>	-	s'em'j'a	<i>семья</i>
<i>rzadko</i>	ž'adka	r'edka	<i>редко</i>
<i>betoniarka</i>	betoń'arka ⁴	-	<i>бетономешалка</i>
<i>piasek</i>	-	p'eso'k	<i>песок</i>
<i>nauczycielka</i>	naučyt'elka	-	<i>учительница</i>

Таблица 1. Избранные примеры дублированных лексем в говоре старообрядцев сувальского и августовского регионов.

³ В именительном падеже слово не отличается от польского источника, но считается адаптированным из-за диалектной парадигмы склонения.

⁴ См. зам. № 2.

Большое количество заимствований из польского языка не вызывает сопротивления носителей старообрядческого диалекта, так как они привыкли к лексике иноязычного происхождения. Представители исследуемой нами группы часто не в состоянии отличить адаптированные польские слова от собственной лексики. В ситуации, когда данный информант не знает русского диалектного или общерусского варианта, он утверждает, что диалектным («своим») является именно ассимилированное слово. Адаптированные заимствования употребляются в процессе калькирования наравне с диалектной лексикой. Например, в конструкции *atdav'at' v d'erž'avu* с помощью как собственной, так и заимствованной лексики (*d'erž'ava*) копируется польский фразеологизм *oddawać w dzierżawę* 'сдавать в аренду'. Польское *na tym wszystko polega* 'в этом всё дело' функционирует в говоре польских староверов как *na 'et'im vs'o paleg'ajet* – ассимилированное заимствование *pal'egat'* (польск. *polegać*) употребляется с целью воссоздать копируемую модель.

Интересный пример вариативности языка польских староверов составляет способ выражения отношений притяжательности. В восточнославянских языках одним (иногда основным) показателем категории притяжательности является конструкция *у + род. падеж + им. падеж*, напр. *у меня (есть) дом*. Однако в западной части восточнославянской территории, под влиянием польского языка, параллельно с конструкцией *у + род. падеж + им. падеж* употребляются личные глагольные формы, напр. в белорусском литературном языке равноправны два варианта: *у + род. падеж + им. падеж* и глаголы *мець/мети* [Siegień 2001: 124]. Представители исследуемой нами группы выражают отношения притяжательности с помощью двух глаголов *m'et'* и *im'et'*⁵, напр. *ja maju s'estr'u, on ničev'o né im'ejet*.

Конструкция *у + род. падеж + им. падеж* могла в говоре старообрядцев возникнуть ещё до момента прибытия на польские земли. Возможно, что польский язык стал лишь катализатором, способствующим развитию и распространению Говор польских старообрядцев уже в своей исконной форме, т.е. до их эмиграции из окрестностей Великих Лук, Пскова и Новгорода, подвергался влиянию белорусских говоров и польского языка (как посредственно, так и непосредственно), что способствовало усилению его вариативности. Итак, можно полагать, что миграции и

⁵ Глаголы *m'et'* и *im'et'* в говоре польских старообрядцев используются также в функции связки в сложных глагольных сказуемых, калькирующих польские синтаксические конструкции [ср. Głuszkowski 2010:].

разнообразные языковые контакты во время пребывания в разных регионах Беларуси и Польши, составляют последний из перечисленных главных факторов, влияющих на увеличение количества вариантов в говоре староверов сувальско-августовского региона.

Поскольку приведенные примеры являются достаточным подтверждением вариативности языка польских старообрядцев, следует обратить внимание на последствия этого факта для дальнейшей эволюции исследуемого нами говора. Из трех перечисленных факторов, способствующих языковому варьированию, два непосредственно связаны с ситуацией языкового контакта: вариативность заимствований и «исторический» языковой контакт. По мнению У. Вайнрайха, возникновению интерференции в контактирующихся языках могут противодействовать разные неструктурные факторы, напр. языковая лояльность, или низкая терпимость к отклонениям от норм в данном коде [Weinreich 1963: 63-65]. Затрата факторов противостоящих интерференции приводит к смене языка т.е. к языковому сдвигу (*language shift*); [там же: 97-98; 106-108]. По его мнению, об окончательном сдвиге решают неструктурные, т.е. внеязыковые, социо- и психолингвистические факторы, а прежде всего проникновение языка L_2 в сферы, до сих пор обслуживаемые L_1 . В общине польских староверов распределение языков в рамках диглосии быстро меняется. Еще две-три декады тому назад русский говор был основным кодом, употребляемым в большинстве коммуникативных ситуаций в разных сферах жизни деревенской части общины⁶. В начале XXI века роль польского языка значительно возросла. Умирают самые пожилые члены общины, владевшие русским диалектом на высоком уровне, а среднее и младшее поколение все чаще прибегает к языку доминирующего окружения, особенно в присутствии не-старообрядцев. Таким образом, в сферах традиционно обслуживаемых диалектом, значение польского языка увеличивается [Głuszkowski 2009: 122-123]. Употребление больше, чем одного языка в данной сфере жизни способствует возникновению новых дублированных лексем.

О том, что язык и культура польских старообрядцев сувальского и августовского региона в начале XXI века находятся на грани окончательной фазы контакта, свидетельствуют многие факты. Контактологи и социолингвисты выделяют ряд симптомов предсказывающих языковой сдвиг, т.е. переход от языка L_1 до языка L_2 .

⁶ В городах старообрядцы проживают в польскоязычном окружении. Их соседи и коллеги на работе это преимущественно не-старообрядцы, поэтому сфера употребления говора ограничивается домашней сферой жизни.

Исследующий языковую ситуацию старообрядцев в Пенсильвании Дж. Холдеман назвал основные признаки отмирания языка [Holdeman 2002: 14-15]. Проводимые до сих пор исследования эволюции диалекта польских старообрядцев сувальского и августовского региона показывают, что практически все из перечисленных Холдеманом симптомов уже появились. Сомнений не вызывают: а) адаптация структур языка L_2 в языке L_1 , б) редукция структур языка L_1 , в) затрата языковых норм (вариативность), г) функциональные ограничения, связанные с затратой традиционных сфер использования, д) редукция регистров и стилей. Некоторые из признаков языкового сдвига, а также исчезновения одного из языков в практике трудны к определению, напр. е) чрезмерное количество заимствований, так как слово «чрезмерное» является субъективным критерием. Пока не проводились подробные, количественные анализы заимствований в говоре польских старообрядцев, но есть многие высказывания, почти полностью состоящие из лексики польского происхождения (новейших заимствований). Итак, если мы заменим слово «чрезмерное» словом «большое», можно положить, что и тот симптом относится к польским старообрядцам. Не совсем прозрачным является и следующий признак смены языка: ж) низкая самооценка у носителей языка L_1 , вследствие того, что они говорят на другом языке, чем остальная часть населения – он, конечно, измеряемый, но актуальные наблюдения и анализы показывают, что вопрос самооценки польских староверов как носителей языка меньшинства связан с личными чертами данного индивида. Другие признаки языкового сдвига пока не совершились полностью: з) смена языка религии с L_1 на L_2 , и) переход на язык L_2 в домашней и соседской сферах, й) отсутствие передачи языка между поколениями.

Степень осуществления последних симптомов можно определить как промежуточную. В исследуемой нами группе с каждым годом увеличивается количество смешанных семей, в которых язык предков не передается детям, а вне старообрядческих местностей (д. Габове-Гронды и Бур) это наблюдение подтверждается и в случае гомогенных семей. Только язык религии остается постоянно тот же – церковнославянский.

Не каждой языковой смене сопутствует вариативность, и не каждая вариативность ведет к исчезновению языка L_1 . В случае диалекта польских старообрядцев вариативность является только одним из признаков совершающегося языкового сдвига. Существуют разные стратегии ревитализации языка меньшинства. Исследователи национальных и культурных меньшинств в мире обращают внимание на большое

значение образования. Возможность вести обучение на своем языке или по крайней мере – учить свой язык в общедоступной школе, является важным фактором, позволяющим предотвратить многие последствия языкового и культурного сдвига [Skuttnab-Kangas 1977: 192-193, Dołowy 2008a: 410-412]. Однако, польские старообрядцы учатся в польскоязычных школах и никто не обучает детей и молодежи местному русскому диалекту⁷. С одной стороны, отсутствие собственных образовательных учреждений связано с небольшой численностью общины (ок. 1 тыс. человек). С другой – существенную проблему составляет вариативность языка польских старообрядцев. Даже если местные власти нашли бы средства на обучение языку меньшинства, надо было бы решить, на каком «языке меньшинства» вести занятия: на общерусском, или на староверском говоре. В сельских местностях, в которых традиционный диалект постоянно употребляется как один из двух основных кодов общения (вместе с польским языком), лишь немногие члены общины отождествляются с литературным русским языком, поэтому трудно его считать элементом местной идентичности. Обучение диалекту же практически невозможно по формальным причинам: отсутствия учебников, программы, а также языковой нормы. Несмотря на то, что уроки религии в д. Габове-Гронды проводятся на старообрядческом говоре, трудно сообразить, чтобы сам говор стал школьным предметом. Как показывают результаты социолингвистических и социологических исследований, отсутствие прочных норм и вариативность диалекта польских староверов не является единственным фактором, препятствующим ревитализации этой общины. Все явления и процессы, которые могут способствовать или препятствовать языковому и культурному сдвигу в группе меньшинства, связаны друг с другом. Проведенный в настоящей статье анализ доказывает, что усиливающаяся вариативность говора старообрядцев, проживающих в Польше, должна учитываться как один из признаков совершающегося языкового сдвига.

Литература:

Баранникова Л. 1969 - К проблеме социальной и структурной изменчивости диалекта // Лесницкая А. В., Жирмунский В. М., Ковтун Л. С. (ред.) *Вопросы*

⁷ В староверской деревне Габове-гронды до 2003 г. была польская основная школа, в которой дети учились русскому языку уже с второго класса (в других школах – с пятого). Это была форма минимального специального образования. Однако, так как литературный русский язык во многом отличается от староверского говора, трудно воспринимать эти действия как элемент программы ревитализации общины.

социальной лингвистики. Москва, С. 314-343.

Гжибовский С., Глушковский М. 2008 – Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур // Л. Л. Касаткин (ред.) *Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. Сборник статей к Международному съезду славистов*. Москва, С. 200-214.

Дуличенко А. 1998 – Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания // Тот же (ред.) *Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita L. Tolstoi. Slavica Tartuensia IV*. Tartu., С. 26-36

Нефедова Е. А. 2002 – Идиолект как источник диалектного варьирования // Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., Ровнова О. Г., Савинов Д. М. (ред.) *Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII)*, Москва, С. 251-262.

Сегень Б. 2001 – *Прыназоўнік у сістэме адной усходнеславянскай гаворкі Беласточчыны*, Беласток.

Bokszański Z., Piotrowski A., Ziólkowski M. 1977 – *Socjologia języka*. Warszawa.

Dołowy N. 2008 – Kultury państwowe wobec kultur mniejszościowych. Pojęcie negatywnej tożsamości na przykładzie wybranych kultur mniejszościowych (bretońskiej, łужицкой, kaszubskiej) // Goszczyńska J., Szwat-Gyłybowa G. (ред.) *Przemilczenia w relacjach międzykulturowych*. Warszawa, С. 407-422.

Глушковский М. 2009 – Dyglosja w społeczności старообрядców regionu suwalsko-augustowskiego // *Socjolingwistyka XXII-XXIII/2009*, С. 115-131.

Глушковский М. 2010 – Zachowane cechy dialektalne oraz wpływy polskie w rosyjskiej gwarze przedstawiciela starszego pokolenia старообрядców regionu augustowskiego // *Acta Baltico-Slavica 34/2010*, С. 157-168.

Грек-Пабисова И. 1968 – *Росыјска гвара старообрядцаў у ваяводзтвах олшты́нскім і бiałостокім*. Wrocław.

Holdeman J. 2002 – *Language Maintenance and Language Shift Among the Russian Old Believers of Erie, Pennsylvania* (Непубликованная кандидатская диссертация), Columbus.

Paško D. 2010 – Adaptacja akcentuacyjna zapożyczeń z języka polskiego do rosyjskiej gwary старообрядców w ośrodku augustowskim // Глушковский М., Grzybowski S. *Staroobrzędowcy za granicą*. Toruń, С. 181-188.

Polański K. 2003 – *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław-Warszawa-Kraków.

Skuttnab-Kangas T. 1977 – Language in the process of cultural assimilation and structural incorporation of linguistic minorities // Elert C.-C., Ellason S., Fries S., Ureland S. (ред.).

Dialectology and Sociolinguistics. Essays in Honour of Karl-Hampus Dahlstedt, Umea. C. 191-203.

Tortosa J. M. 1986 – *Polityka językowa a język mniejszości. Od wieży Babel do daru języków*. Warszawa.

Weinreich U. 1963 – *Languages in contact. Findings and problems*. The Hague.